Д-ръ А. ЦВИКЕВИЧЪ.

БЕЛАРУСЬ.

Изданіе
Чрезвычайной Дипломатической
Миссіи Бѣлорусской Народной Республики.
Берлинъ 1919.

Д-ръ А. ЦВИКЕВИЧЪ.

БЕЛАРУСЬ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ БѢЛОРУССКАГО.

Изданіе
Чрезвычайной Дипломатической
Миссіи Бѣлорусской Народной Республики.
Берлинъ 1919.

выданьне 2-е, факсімільнае

Менск, 1990 г.

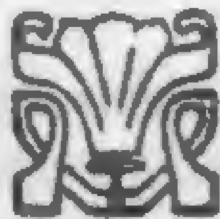
Предисловіе.

Тотъ исключительный интересъ, который проявляютъ къ восточному славянскому вопросу западно-европейскіе политическіе и общественные круги, вполнѣ понятенъ. Отъ разрѣшенія его зависитъ многое въ отношеніяхъ европейскихъ государвстъ и въ первую очередъ государствъ славянскихъ, возникшихъ въ процессѣ великой войны на развалинахъ Австро-Венгерской Монархіи. Этотъ интересъ усиливается въ особенности отъ того, чро теперь уже очевидно нельзя говорить о бывшей централистической Россійской Имперіи, а приходится имѣть дѣло съ **народами и національными государствами,** которые нынѣ воскресли къ политической жизни и которые должны будутъ устраивать свою жизнь не на началахъ насилія и принужденія, но на принципахъ соглашенія другъ съ другомъ и признанія взаимныхъ интересовъ. Отсюда вытекаетъ необходимость для всякой заинтересованной стороны внимательно присмотрѣться и изучить эти новообразованія, чтобы не впасть въ ошибку при обсужденіи политическаго момента и ближайшаго будущаго восточныхъ славянскихъ народовъ.

Для большинства политическихъ дѣятелей Запада это будущее рисуется довольно неопредѣленно, облекаясь обычно въ апріорную формулу „Федеративной Россіи" безъ детализаціи и конкретизаціи самого процесса федерализма, а иногда и безъ простого доказательства возможности и разумности именно такого рѣшенія вопроса. Между прочимъ до сихъ поръ не выяснено, кто будетъ участвовать на предстоящемъ Федеративномъ конгрессѣ? Между тѣмъ все это очень важно знать теперь, ибо на западѣ бывшей Россіи появился въ настоящее время новѣй сильный факторъ жизни восточныхъ славянъ — Польша, великодержавныя тенденціи которой въ

необыкновенной степени осложняютъ и затрудняютъ спокойное и правильное рѣшеніе интересующаго всѣхъ вопроса. Говоря о федераціи восточно-славянскихъ народовъ, обыкновенно упускаютъ изъ виду старую программу „Великой Польши отъ моря и до моря", которая всегда твердила и твердитъ Европѣ, что не Москва, а Варшава, не Россія, а Польша должна стать воплощеніемъ европейской культуры и государственнаго строительства на востокѣ и что поэтому вокругъ нея, а не вокругъ Москвы или Украины должны сгруппироваться всѣ здоровые славянскіе сосѣди. Если присмотрѣться къ тому плану вооруженной борьбы, которую ведетъ теперь Польша, то невольно вопросъ о федеративной Россіи отодвинется вдаль; она фактически осуществляетъ объединеніе „старыхъ польскихъ" земель вокругъ польскаго орла, заявляя въ то же время о своей готовности предоставить Литвѣ, Бѣлоруссіи, Вост. Украинѣ и Галиціи самую широкую автономію.

Въ какомъ отношеніи стоитъ къ вопросу о федераціи славянскихъ народовъ народъ бѣлорусскій, сложившійся въ данный моментъ государственно и старающійся обезпечить себѣ здоровое будущее? - Постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ, предварительно приведя необходимыя краткія справки историческаго характера.

I.

Бѣлорусскій народъ происходитъ отъ старыхъ славянскихъ племенъ кривичей, дреговичей и др., начавшихъ жить государственной жизнью еще съ IX вѣка и до второй половины XVI ст. существовавшихъ сначала самостоятельно, а затѣмъ въ соединеніи съ Литвой въ формѣ Великаго Княжества Литовско-Бѣлорусскаго. Названіе княжества „Литовскимъ" было только номинальнымъ, ибо фактически вся жизнь государства покоилась на бѣлорусскихъ началахъ: государственный языкъ, судъ, законы, школа и прочее — все это было бѣлорусское. Для иллюстрированія достаточно вспомнить, что монументальный памятникъ культурной и государственной мощи бѣлорусскаго духа, такъ называемый „Статутъ Великаго Княжества Литовскаго" и „Кратко-Литовскій Статутъ" написаны (первая редакція) на **бѣлорусскомъ языкѣ** и отражаютъ въ себѣ до мелочей всю жизнь бѣлорусскаго племени. Дальнѣйшій ростъ бѣлорусско-литовскаго государства, казалось, былъ обезпеченъ и славнымъ многовѣковымъ прошлымъ и спокойнымъ государственнымъ разумомъ бѣлорусскаго народа.*) Но во второй половинѣ XVI ст. произошло печальное для Бѣлороссіи и Литвы событіе — произошло федеративное соединеніе Великаго Княжества Литовско-Бѣлорусскаго съ Польшей. Объясняется это нѣсколькими причинами; основной же причиной было желаніе бѣлорусскаго дворянства, вообще демократическаго и мало отличавшагося отъ всей остальной массы народа, пріобрѣсти права польской шляхты, какъ независимаго, полноправнаго сословія и подчинить себѣ, какъ въ Польшѣ, классъ землепашцевъ-крестьянъ.**) Вскорѣ

---

*) См. капитальные труды по исторіи Литовско-Бѣлорусскаго Княжества проф. Любавскаго „Исторія Великаго Княжества Литовскаго". Москва, проф. И. Лаппо „Литовско-русскій повѣтъ и его сеймикъ". Юрьевъ.

**) Взаимоотношенія, возникшія между Польшей и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ толкуются въ литературѣ разно. Польская школа

послѣ Люблинской Уніи (1569 г.) поляки объявили рѣшительную войну всему бѣлорусскому; между прочимъ былъ изданъ законъ, согласно которому „писарь земскій повиненъ былъ писать законы по-польски и польскими литэрами." Замѣтивъ опасность, народъ началъ активно бороться противъ процесса ополячиванія,*) продолжая сохранять свою національную самобытность до конца XVIII ст., когда Бѣлоруссія, послѣ трехъ раздѣловъ Польши, перешла къ Россіи. Къ сожалѣнію, къ этому времени высшій классъ народа — его помѣстное дворянство, прельщенное пышностью польскаго двора и тѣми матеріальными благами, которыя онъ представлялъ всѣмъ своимъ поклонникамъ, — въ сильной степени ополячился, хотя и не могъ отдѣлаться отъ бѣлорусской національной стихіи, среди которой онъ жилъ. Продолжая и впредь говорить въ домашнемъ обиходѣ и съ народомъ по-бѣлорусски, живя мѣстными обычаями и приспосабливая все то, что приносило связь съ Польшей, къ мѣстнымъ условіямъ, бѣлорусское дворянство стало считать народный языкъ и національныя особенности — языкомъ и обычаями „хлопскими", деревенскими и подчеркивать свое шляхетство польское, благородное на томъ основаніи, что въ нихъ высшій классъ живетъ польской культурой. Польша всегда считала и до сихъ поръ считаетъ, по польской терминологіи *„Litwa a Białoruś"* (земли, лежащія между Западнымъ Бугомъ, Нѣманомъ, Зап. Двиной, Днѣпромъ и Припятью) *„ziemia polska i stare okręgi polskie, do Polski należące."*

Народъ въ широкомъ смыслѣ слова — все то, что теперь принято называть демократіей, во вниманіе тогда не принимался, ибо не былъ участникомъ политической жизни края. Ясно, что такой порядокъ могъ существовать только въ

разсматриваетъ Люблинскій договоръ, какъ унію; русскіе изслѣдователи видятъ въ немъ федерацію. Въ послѣднее время вторая точка зрѣнія является господствующей. См. проф. бар. Нольде: „Очерки по исторіи кодификаціи Западн. Свода Законовъ". С. П. Б. 1911 г.

*) Борьба эта шла главнымъ образомъ подъ флагомъ борьбы за православіе. Блестящія страницы изъ исторіи бѣлорусскихъ православныхъ братствъ — свидѣтели этой героической борьбы.

старое время и долженъ былъ рухнуть въ моментъ, когда самъ „народъ" сдѣлался факторомъ государственнаго строительства.

Вслѣдствіе этого русская власть очутилась передъ неразрѣшимой проблемой: съ одной стороны она сознавала, что населеніе присоединенной Бѣлоруссіи не польское, національно родственное великорусскому народу и что поэтому его нужно поднять изъ презрѣннаго состоянія „хлопа", „быдла", находящагося въ подчиненіи ополячившагося помѣщика; съ другой стороны: поднять его — значило противопоставить его какъ національно-государственную силу дворянству, главной и единой опорѣ престола. Поэтому, если русскому правительству нужно было опереться на православное бѣлорусское крестьянство, то это означало измѣну самодержавному режиму и его традиціямъ; если же приходилось опираться на дворянство, то это означало измѣну „православію и русской народности", измѣну задачамъ національнаго объединенія и явную поддержку ненавистнаго полонизма. Вся законодательная дѣятельность Екатерины II, Павла I, Николая I и т. д. вплоть до послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая II была поэтому политикой колебаній, шатаній изъ стороны въ сторону, утвержденія и немедленной затѣмъ отмѣны всякаго рода государственныхъ распоряженій.*) Укрѣпляя свою власть въ Бѣлоруссіи и дѣлая ставку на дворянство, русское правительство пробуждало въ немъ мысль о Польшѣ, давало ему возможность организоваться и выступать противъ себя же съ оружіемъ въ рукахъ (извѣстныя возстанія 31 и 63 годовъ). Подавляя же эти возстанія и воздвигая висѣлицы для „бунтовщиковъ-помѣщиковъ", русское правительство будоражило крестьянство, подогрѣвало въ немъ злобу къ богатому сословію и, тѣмъ самымъ, способствовало пропагандѣ революціонныхъ ученій. Столь ложное положеніе правительства продолжалось, какъ сказано, вплоть до нашихъ

---

*) См. П. Батюшковъ „Бѣлоруссія и Литва" С. П. Б. Компилятивный трудъ, имѣвшій цѣлью поддержаніе православія и русской народности въ западномъ краѣ. Невольное признаніе патріотическаго автора о двойственной политикѣ русскаго правительства весьма характерно.

дней. Но этого мало. Неразрѣшимость бѣлорусской проблемы подъ владычествомъ Россіи осложнилось еще и другими не менѣе важными факторами. Одной изъ такихъ причинъ, мѣшавшихъ объединенію Бѣлороссіи съ Россіей, былъ вопросъ религіозный.

Издревле православный народъ, бѣлоруссы еще до федеративнаго соединенія съ Польшей были ареной борьбы православія съ воинствующимъ католицизмомъ. Эта религіозная борьба, окрашенная обычно въ цвѣта національной борьбы между бѣлоруссами и поляками, привела въ самомъ концѣ XVI вѣка къ заключенію Брестской Уніи (1596 г.), долженствовавшей ослабить религіозную рознь. Ко времени присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи, бѣлорусскій народъ, **національно единый**, исповѣдывалъ такимъ образомъ три вѣры: православную, уніатскую (греко-римскую) и, на крайнемъ западѣ, католическую. Русская власть, имѣвшая до этихъ поръ дѣло только съ чистымъ православіемъ, не могла разобраться въ этой сложной, запутанной сторонѣ жизни Бѣлоруссіи, пока, наконецъ, указомъ 1840 года попросту не разрубила гордіевъ узелъ, признавъ унію не существующей и объявивъ весь край на положеніи офиціальнаго православія. Само собою разумѣется, что эта мѣра не явилась разумнымъ рѣшеніемъ столѣтней проблемы, загнала болѣзнь внутрь и поселила разъ навсегда въ бѣлорусскомъ народѣ подозрительное отношеніе къ насильственной русской власти.

Наконецъ, третьимъ самымъ важнымъ препятствіемъ къ утвержденію въ Бѣлоруссіи россійской государственности было отличіе этой обширной области въ политическомъ, бытовомъ и національномъ отношеніи. За шесть вѣковъ самостоятельной государственной жизни, столь высокоразвитой, что она вліяла на жизнь Московскаго Государства и Кіевскихъ княженій, и за два вѣка, которые прожилъ бѣлорусскій народъ вмѣстѣ съ Польшей, сдѣлали жизнь Бѣлоруссіи настолько своеобразной и настолько отличной отъ Россіи, что русская власть естественно чувствовала себя здѣсь чужой и чуждой. Старое политическое устройство Бѣлоруссіи (см. Конституцію Великаго Бѣлорусско-Литовскаго Княжества), особыя учреж-

денія, построенныя на выборномъ началѣ (старыя земскія должности), свои самобытные законы (знаменитый Литовскій Статутъ), свой судъ (Литовскій Трибуналъ) и т. д., — все это необычайно сильно отличалось отъ порядковъ и характера Москвы и Петербурга. Отсутствіе общинныхъ началъ въ землевладѣніи, широко развитая система аренды, особыя формы землепользованія, необыкновенно сильно развитая торговля, созданная главнымъ образомъ евреями, которыхъ не знала центральная Россія, торговля, приноровленная къ собственнымъ столѣтнимъ экономическимъ базамъ („Великій Путь изъ Варягъ въ Грэки" проходилъ какъ разъ черезъ всю Бѣлоруссію), — все это обособляло край, дѣлало жизнь его полной своего внутренняго содержанія. Наконецъ, свой особый языкъ, — языкъ крестьянской многомилліонной массы, свои обычаи, вѣрованія, обряды, весь комплексъ историческихъ привычекъ и вкусовъ, все то, что составляетъ національное лицо народа, его національную сущность и что не могло быть задавлено ни жестокими гоненіями польской шляхты, ни драконовскими мѣропріятіями русскихъ самодержавныхъ царей, — все это окончательно выдѣляло Бѣлоруссію изъ ряда обыкновенныхъ провинцій Россійской Имперіи, дѣлало ее инороднымъ тѣломъ въ государствѣ, постоянно раздражало власть, напрягало ея вниманіе и пугало.

Централистическая Россія не могла примириться съ такимъ явленіемъ и все время стремилась нивеллировать всѣ особенности Бѣлоруссіи, подвести ее подъ общій ранжиръ. Началась историческая борьба между народомъ и властью, какая велась царизмомъ одновременно на Украинѣ, въ Польшѣ, Финляндіи, Кавказѣ и т. д. Край находился въ состояніи постояннаго внутренняго напряженія — политическаго, національнаго и религіознаго; шла глухая затаенная борьба: Бѣлоруссія стала къ Петербургу въ пассивную незамѣтную для посторонняго глаза оппозицію, какъ страна, поставленная подъ усиленную политическую охрану.

Польша и всѣ ея политическія группы, какъ у себя дома, такъ и въ особенности за границей, учитывая столь трагическое положеніе русской власти на Бѣлоруссіи, пользовались

этимъ въ своихъ эгоистическихъ цѣляхъ. Указывая на неестественность жизни края, крича объ насиліяхъ, какія творило россійское правительство по отношенію къ нимъ, полякамъ, а также и къ народу, его языку, религіи и т. д., они поднимали возстанія, волновали народъ, будоражили европейскіе дворы и прессу — всюду съ пѣной у рта заявляя, что Бѣлоруссія есть „край польскій", что русская власть тамъ абсолютно чужда и враждебна народу, что она никогда не устроитъ жизни этого народа и что поэтому Бѣлорусь, какъ и вся Польша, должна быть освобождена изъ-подъ ига россійскаго самодержавія. Крики эти начались вскорѣ послѣ раздѣловъ Польши, продолжались въ эпоху Наполеона и царствованіе Николая I, но въ особенности ярко проявились въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Французскія и бельгійскія газеты въ тѣ года (*„Le Norde"*, *„La Presse"* и др.) были полны статей, посвященныхъ доказательству, что Бѣлорусь и Литва есть *„kresy polskie,"* и призывавшія Европу ко вмѣшательству въ польско-русскія дѣла. Со стороны Россіи въ этой бѣшенной политикѣ приняли найболѣе активное участіе славянофилы всѣхъ толковъ и оттѣнковъ, въ свою очередь кричавшіе до потери сознанія, что „Бѣлоруссія есть край русскій, русскій!!!" Разница между односторонними утвержденіями была только та, что поляки, какъ менѣе обязанные и болѣе либеральные, допускали возсоединеніе Бѣлоруссіи съ Польшей, какъ **автономной провинціи,** — русская же сторона, сознававшая свою фактическую силу, не допускала такого вольнодумства и устами „Московскихъ Вѣдомостей" (Катковъ) требовала лишь крѣпкаго кулака, въ цѣляхъ окончательнаго уравненія края съ центромъ Россіи. Славянофилы изъ Аксаковскаго „Дня", хотя и признавали, что Бѣлорусь не есть Великороссія, тѣмъ не менѣе не дѣлали изъ этого никакихъ практическихъ выводовъ. Было, впрочемъ, на сторонѣ россійскихъ защитниковъ Бѣлоруссіи отъ поползновеній Польши достаточно просвѣщенное мнѣніе (наприм., проф. Безсоновъ),*) которое не только открыто заявляло, что „Бѣ-

*) Своеобразный взглядъ свой на бѣлорусскій вопросъ проф. П. Безсоновъ изложилъ въ пространномъ введеніи къ своему „Сборнику

лоруссія есть край самобытный, „особенный", но склонялось къ мысли и культурной автономіи бѣлорусскаго народа, въ цѣляхъ поддержанія и развитія мѣстныхъ особенностей. Къ сожалѣнію, эта группа, искавшая разумнаго выхода изъ тяжелаго положенія, была заподозрѣна въ пресловутомъ сепаратизмѣ, соглашеніи съ „мятежными поляками" и, вслѣдствіе цензурныхъ условій, не могла развить въ должныхъ размѣрахъ свою точку зрѣнія.

Вообще эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи, польскаго возстанія 63 года и рѣзкаго подъема политической мысли русскаго общества, является временемъ найболѣе яркой постановки бѣлорусскаго вопроса и разрѣшеніи его въ „панрусскомъ" и въ „панпольскомъ" смыслѣ. Эта же эпоха свидѣтельствуетъ о полномъ банкротствѣ какъ перваго, такъ и второго рѣшенія, и выступлеенія на арену новаго фактора-самого бѣлорусскаго народа, разрѣшившаго загадку о своей сущности и заявившаго, что земля, которую онъ населяетъ, есть край ни польскій, ни русскій, но что это есть „Беларусь".

II.

Лучшіе представители бѣлорусскаго народа уже задолго до постановки вопроса о Бѣлоруссіи въ русской, польской, а также заграничной прессѣ, замѣчали ненормальность положенія своей родины, сознавали, что нельзя сливать ее ни съ Россіей, ни съ Польшей и искали своего рѣшенія. Впервые мысль о самостоятельной національной природѣ Бѣлоруссіи раздалась въ народническихъ полуреволюціонныхъ идеалистическихъ кружкахъ Виленскаго Университета; созданный на средства русскаго правительства при щедрой поддержкѣ польскаго общества, этотъ университетъ въ короткое время

бѣлорусскихъ пѣсенъ". Впослѣдствіи профессоръ Харьковскаго университета по кафедрѣ филологіи, Н. Безсоновъ былъ въ 50 годахъ предсѣдателемъ Виленской Археологической Коммиссіи и зналъ бѣлоруссовъ лучше многихъ русскихъ, бывавшихъ тамъ въ роли гостей.

привлекъ къ себѣ всѣ лучшія силы Польши и сдѣлался истиннымъ разсадникомъ польской культуры въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Однако, въ послѣдніе годы своего существованія, когда Виленскій Университетъ находился въ зенитѣ своей славы, бѣлорусско-литовское начало стало брать верхъ надъ всесильнымъ полонизмомъ. Профессура, а за ней и студенчество обратили свои взоры отъ блестящей Польши къ задумчивой, хотя и бѣдной матеріально, но глубокосодержательной жизни родного края. Представляя собою на 5/6 лучшіе элементы его, непосредственно вышедшіе изъ народной массы, отражая въ своихъ произведеніяхъ и научныхъ изысканіяхъ его настроенія и желанія, они не могли, въ концѣ концовъ, не признать открыто, что они не поляки.

Началось съ изученія этнографіи бѣлорусскаго народа, задолго опередившей работы въ этой области россійскихъ ученыхъ. Первыя скромныя попытки Яна Чэчота и др. дали блестящіе результаты. На почвѣ изученія родного края, его исторіи, эпоса, искусства и т. д. родилась, какъ естественное послѣдствіе, идея **политическая:** попытаться разрѣшить бѣлорусскую и литовскую проблему въ условіяхъ не *status quo*, а на основаніи ея исторіи и объективныхъ національныхъ и соціальныхъ данныхъ. По свидѣтельству профессора Кояловича,*) въ Виленскомъ Университетѣ возникъ кружокъ лицъ (въ составъ котораго входилъ, между прочимъ, знаменитый юристъ-проф. И. Даниловичъ, составитель Западнаго Свода Законовъ, столь печально задавленнаго Николаемъ I въ 1840 г.), поставившій своей цѣлью возстановленіе прежняго Литовско-Бѣлорусскаго Княжества, подразумѣвая подъ этимъ именемъ всю Бѣлорусь и собственно Литву. Идея эта не вылилась въ программу какой-либо политической партіи, и прослѣдить развитіе ея по разрозненнымъ архивамъ Виленскаго Университета довольно затруднительно. Но уже изъ одного факта существованія кружка лицъ, заинтересованныхъ ею, изъ одного того, что она родилась и существовала такъ рано, слѣдуетъ, насколько жизненна была сама мысль объ особенной го-

*) Проф. Кояловичъ: „Лекціи по исторіи Западнаго Края".

сударственной природѣ Бѣлоруссіи, какъ сравнительно близко было ея славное политическое прошлое. Подъ гнетомъ сначала польскаго, потомъ россійскаго управленія, подъ пепломъ наносныхъ, чуждыхъ вліяній, въ Бѣлоруссіи столѣтіями горѣлъ огонь творческой національной энергіи, теплилась лампада, возженная на зарѣ государственности современныхъ народовъ. Огонь этотъ чувствовался всюду и во всемъ; онъ проникалъ и въ политическіе дворцы, и въ кабинеты ученыхъ, и на пылкія студенческія собранія. И стоило только объективному, не ослѣпленному національнымъ шовинизмомъ и политическими вожделѣніями взору вглядѣться въ запутанную, сложную картину жизни Бѣлоруссіи, какъ разрѣшеніе стараго спора, — что это за край и кому онъ по праву принадлежитъ — вставало само собою.

Разгромъ Виленскаго Университета и послѣдовавшая затѣмъ Николаевская реакція, вызванная возстаніемъ декабристовъ и польскимъ мятежемъ 31 года, не дали пробиться на широкую жизненную колею идеямъ, зародившимся въ средѣ профессуры и революціоннаго студенчества, не дали имъ окончательно сформироваться. Но сами идеи возрожденія Бѣлоруссіи не погибли. Сторонниками ихъ, хотя уже и не въ такой яркой формѣ и уже въ русской оріентаціи, явились нѣкоторые представители лѣваго теченія славянофильства и приверженцы федеративной теоріи Костомарова, которые цѣнили мѣстныя особенности, стояли за укрѣпленіе національныхъ особенностей всѣхъ трехъ славянскихъ народовъ, населявшихъ Россію, и признавали необходимымъ предоставленіе имъ хотя бы культурной автономіи. Знали, понятно, какъ небезопасно было въ старое время на Руси поднимать эти вопросы въ печати и какъ зорко слѣдила за ними цензура. Поэтому желанія и мысли оставались обыкновенно въ замкнутомъ кружкѣ лицъ и партій, а если и выносились въ прессу, то въ самой скромной, подчасъ неузнаваемой формѣ.

На ряду съ попытками объяснить необходимость возрожденія Бѣлоруссіи въ серединѣ прошлаго столѣтія мы наблюдаемъ первые этапы бѣлорусскаго возрожденія. Этно-

графическія изслѣдованія Яна Чэчота и др. работниковъ Виленскаго Университета пробуждаютъ въ бѣлорусскомъ народѣ дремавшія до этого творческія, поэтическія силы. Сороковые и пятидесятые годы дарятъ насъ уже такими крупными талантами, какъ Дунинъ-Марцынкевичъ, Ф. Богушевичъ и др.. Уже въ 1846 году въ Вильнѣ издается комедія „Селянка“, музыку къ которой пишетъ сынъ бѣлорусскаго народа, ополяченный Монюшко. Тогда же эта вещь идетъ въ Минскомъ городскомъ театрѣ. Въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ есть уже доказательство возможности бѣлорусскаго возрожденія. Здѣсь бѣлорусскій народъ говоритъ своимъ языкомъ и фактомъ существованія своей національной поэзіи утверждаетъ за собою право на уваженіе окружающихъ. Здѣсь уже самъ народъ (подавляющее большинство бѣлорусскихъ поэтовъ и писателей, какъ встарь, такъ и теперь, выходятъ изъ простыхъ курныхъ крестьянскихъ хатъ), — ясно и безъ всякихъ обиняковъ заявляетъ, что онъ — бѣлорусскій народъ, что у него есть свой языкъ, свои вкусы и свои политическія желанія, что права силы ни польской, ни россійской онъ надъ собою не признаетъ, и что мыслитъ свое государственное существованіе вмѣстѣ съ сильнѣйшими сосѣдями только по соглашенію съ ними.

Теоріи, рожденныя къ жизни въ стѣнахъ Виленскаго Университета, подкрѣпленныя изслѣдованіями лѣвыхъ славяфиловъ и костомаровской школой, наконецъ, первые этапы фактическаго культурнаго возрожденія бѣлорусскаго народа къ моменту организаціи первыхъ общероссійскихъ революціонныхъ партій — „народниковъ“ и „соціалистовъ-революціонеровъ“ — нашли въ нихъ свое отраженіе и способствовали включенію въ ихъ программы пунктовъ о федеративномъ строѣ будущей Россійской Республики. Какъ извѣстно, ростъ этихъ политическихъ партій и федеративныхъ теорій, начавшийся въ послѣдніе годы царствованія Александра II, былъ очень непродолжителенъ: его задавила безпощадная реакція Александра III. Вмѣстѣ съ этимъ было задавлено болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ и бѣлорусское возрожденіе.

Оживленіе революціонной дѣятельности, а съ нею и активной работы по культурному и политическому возрожденію Бѣлоруссіи, начинается съ новой силой съ 90-хъ годовъ. Къ этому времени на Бѣлоруссіи сложилась первая крупная политическая національная партія „Беларуская Соцыялістычная Грамада", по программѣ соотвѣтствовавшая украинскимъ, грузинскимъ и др. національнымъ партіямъ и находившаяся съ ними въ тѣсномъ контактѣ. Основнымъ лозунгомъ этой партіи, формулировавшей впервые требованія народнаго движенія, былъ лозунгъ о федеративной структурѣ влати въ Россіи и о вхожденіи Бѣлоруссіи въ составъ государства, какъ автономной единицы. Бѣлорусская соціалистическая грамада постепенно становится главной организующей силой движенія, является душой „Бѣлорусскаго Учительскаго Союза" и другихъ профессіональныхъ просвѣтительныхъ организацій и беретъ въ свои руки руководство бѣлорусскимъ революціоннымъ движеніемъ въ 1905 году („Наша Доля", „Наша Ніва" и друг. газеты и изданія). Размаху политической дѣятельности въ Бѣлоруссіи за эти годы соотвѣтствуетъ напряженная, культурная работа и завоеванія въ области художественнаго творчества. Бѣлорусская литература обогащается такими перворазрядными талантами, какъ Ив. Неслуховскій, Янка Купала, Якубъ Коласъ и многіе другіе. Священная мысль о воскрешеніи къ новой жизни такъ долго спавшаго родного края, зародившаяся въ головахъ отдѣльныхъ людей и долгіе годы не выходившая за предѣлы кружковъ и партій, стала разливаться по широкимъ путямъ и пробуждать энергію въ широкихъ народныхъ массахъ. Таково было велѣніе исторіи, остановить естественное движеніе которой никто не былъ въ силахъ.

Революція 1905 года и размахъ бѣлорусскаго освободительнаго движенія воочію показали россійской власти всю силу руководившей имъ идеи и не на шутку ее встревожили. Опасность состоянія Бѣлоруссіи подчеркивалась въ Петроградѣ еще и тѣмъ соображеніемъ, что польское общество не оставляло (хотя и съ меньшимъ пыломъ) свои старыя претензіи на первенство при рѣшеніи бѣлорусскаго вопроса и было поэтому

совершенно неосновательно подозрѣвать его въ сочувственномъ отношенiи къ такъ называемому „бѣлорусскому сепаратизму". Подозрѣнiе это было неосновательно потому, что польское дворянство на Бѣлоруссiи всегда преслѣдовало и прежде всего свою классовую политику и только на ней строило политику нацiональную. Оно прекрасно понимало, что возрожденiе Бѣлоруссiи въ томъ видѣ, какъ его представляла Бѣлорусская соцiалистическая грамада, означало неизбѣжный упадокъ сословiя. Рѣшенiе бѣлорусскаго вопроса они разумѣли въ смыслѣ отданiя Бѣлоруссiи подъ начало Польши, то есть, какъ разъ обратное тому, къ чему стремился бѣлорусскiй народъ, сознававшiй, что такой выходъ означалъ уже не возрожденiе, но полную нацiональную смерть для него. Тѣмъ не менѣе министерство Столыпина и правое крыло Государсвенной Думы всѣхъ 4-хъ созывовъ, поставившiя такъ наз. „Западный вопросъ" во главу угла своей политики, сознательно провоцировали и громили бѣлорусское движенiе. Было выдумано и пущено въ житейскiй оборотъ мнѣнiе, что бѣлорусское соцiалистическое нацiональное движенiе связано со стремленiемъ Польши вернуть себѣ самостоятельность. Поляки сознавали всю нелѣпость этой выдумки, но молчали, ибо по совѣсти не знали, что предпочесть: самодержавный россiйскiй режимъ, охранявшiй въ неприкосновенности ихъ права на земельную собственность, или бѣлорусское возрожденiе, сулившее имъ всякiя непрiятности вплоть до рѣшенiя вопроса о передачѣ земли въ пользованiе трудового народа.

Какъ сто лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь Бѣлорусь пребывала въ состоянiи политическаго анабiоза, полнаго государственнаго паралича. Русское правительство, какъ и встарь, не могло здѣсь найти класса, на который можно было бы опереться. Было задумано, какъ въ свое время при Екатеринѣ II, насажденiе истиннаго россiйскаго землевладѣнiя; но попытка эта, вслѣдствiе организованнаго сопротивленiя польскаго помѣщичьяго класса, потерпѣла фiаско. Въ противовѣсъ бѣлорусскому и польскому началу въ краѣ сталъ создаваться своеобразный классъ политическаго чиновничества,

именовавшій себя нелѣпымъ именемъ „Западно-Руссовъ“. Но и это искусственное насажденіе не привело ни къ чему. Приступили, наконецъ, къ введенію земства, того самаго земскаго самоуправленія, которымъ центральная Россія пользовалась уже пятьдесятъ лѣтъ. Но и земство здѣсь получилось такъ наз. „куцое“, какъ и всѣ вообще благія начинанія русскихъ властей. Столѣтній вопросъ объ открытіи въ Бѣлоруссіи университета или хоть какого иного высшаго учебнаго заведенія продолжалъ висѣть въ воздухѣ, и двѣнадцать милліоновъ населенія должны были посылать своихъ дѣтей въ Москву, Петербургъ, Юрьевъ, Кіевъ и еще далѣе. Религіозная и національная рознь продолжала съ такимъ-же вредомъ грызть населеніе Бѣлоруссіи, ибо на этой розни Петербургѣ — по римскому праву „*divide et impera*“ — сроилъ всю свою политику. Россійскіе губернаторы проходили въ бѣлорусскихъ губерніяхъ предварительный стажъ, постигали всѣ методы борьбы съ еврейскимъ засиліемъ, польскимъ сепаратизмомъ, революціонизирующимъ вліяніемъ Запада и вообще съ тѣмъ „букетомъ“, которымъ являлся національный вопросъ при старомъ режимѣ.

Нечего и говорить, что бѣлорусскія политическія партіи и организаціи были раздавлены. Многіе поплатились за свою работу на благо народа тюрьмою и ссылкой, нѣкоторые жизнью.*)

Бѣлорусскіе газеты и журналы, пользовавшіеся необыкновеннымъ успѣхомъ („Наша Ніва“ имѣла болѣе 3000 корреспондентовъ-крестьянъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ Бѣлоруссіи), были закрыты. Не были пощажены даже обыкновенныя культурныя просвѣтительныя и кооперативныя организаціи. Квасной россійскій патріотизмъ былъ обязательной заповѣдью для всѣхъ странъ и народовъ Россіи и только идея „Великой Матушки-Россіи“, построенной насиліемъ од-

---

*) На Всебѣлорусскомъ Конгрессѣ, по предложенію стараго народовольца П. Бончъ-Осмоловскаго, было постановлено собрать всѣ подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности борцовъ за свободу Бѣлоруссіи и издать ихъ отдѣльной книгой. Приведено ли это постановленіе въ исполненіе — автору неизвѣстно.

нихъ и страхомъ другихъ, пользовалась признаніемъ и поддержкой власть имущихъ.

Какъ полтораста лѣтъ тому назадъ подъ польскимъ владычествомъ, такъ и въ послѣдніе годы передъ войной и революціей подъ игомъ россійскаго самодержавія бѣлорусскій народъ страдалъ и томился, задыхался въ тискахъ чуждой національной власти, терпѣливо неся бремя исторіи и молча ожидалъ своего воскресенія.

„Сціснуло горэ дыханьне ў народзе,
Горэ усюду пануе! . . .
Хваляй шырокай разділась, як морэ
Родны наш край затапіло.
Брацьця! Ці зможэм грамадзкае горэ?
Брацьця! Ці хопіць нам сілы?!“ . . .
— восклицалъ поэтъ.

III.

Та буря, которая пронеслась въ Россіи въ Мартѣ 1917 года и которая въ концѣ концовъ растрясла самодержавную Имперію на всѣ ея составныя части, дала возможность и Бѣлоруссіи наравнѣ съ другими народами самостоятельно разрѣшить всѣ основные вопросы, связанные съ ея существованіемъ.

Вскорѣ послѣ первыхъ дней революціи въ Минскѣ состоялся первый національный бѣлорусскій съѣздъ, представившій новому россійскому правительству свои весьма скромныя требованія и соображенія, касающіяся управленія Бѣлоруссіей.*) Но — делегаты отъ бѣлорусскаго національнаго конгресса едва были приняты Временнымъ Правительствомъ. Докладъ ихъ былъ кисло выслушанъ и оставленъ безъ послѣдствій. Всѣ сознательныя бѣлорусскія силы, съ энтузіаз-

*) Они сводились къ созыву краевого органа управленія съ совѣщательными функціями по вопросамъ мѣстнымъ, открытію бѣлорусскихъ школъ и введенію въ нихъ бѣлорусскаго языка и т. д.

ному поднявшіяся послѣ долгихъ страданій и преслѣдованій за дорогое имъ дѣло устроенія родного края, послѣ такого пріема съ горечью поняли, что право на политическое самоуправленіе такъ же, какъ право на національную культуру не дается, но его надо брать. Дальнѣйшія сношенія съ Временнымъ Россійскимъ Правительстсомъ А. Керенскаго (а впослѣдствіи и съ большевистскимъ Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ) окончательно убѣдили всѣхъ, что если раньше бѣлорусскому возрожденію приходилось имѣть дѣло съ россійскимъ самодержавіемъ, то теперь приходится имѣть дѣло съ великорусскимъ великодержавіемъ, которое оказалось значительно сильнѣе, чѣмъ можно было думать и которымъ оказались пропитаны всѣ безъ исключенія россійскіе политики, не исключая и самыхъ лѣвыхъ. Бѣлорусская политическая мысль убѣдилась, что справедливое рѣшеніе національной проблемы въ Россіи встрѣчаетъ, хотя и тщательно скрываемое, но враждебное отношеніе со стороны всѣхъ классовъ великорусскаго общества. Такое чувство было воспитано въ немъ исторіей и тѣмъ приниженнымъ положеніемъ, въ которомъ находились всѣ „окраинные народы“ и такъ называемые „инородцы“. Великороссъ всегда видѣлъ себя на первомъ мѣстѣ въ государствѣ россійскомъ: онъ его „собиратель“, онъ обладатель главными сокровищницами государства, столицы Имперіи стоятъ на его территоріи, государственный языкъ — его языкъ, литература, наука и т. д. — все это создано на его языкѣ, его способностями и т. д. Участія во всемъ этомъ творчествѣ невеликорусскихъ силъ онъ не замѣчалъ и не признавалъ. Вполнѣ естественно, что и права на власть на мѣстахъ онъ не хотѣлъ признавать за „окраинными“ народами и хотѣлъ быть всегда и вездѣ на первомъ мѣстѣ. Къ этому исподволь пріучило его и старое правительство, насаждая на окраинахъ „русскій духъ“, русское чиновничество и все прочее „истинно-русское“; къ этому подталкивалъ его простой національный эгоизмъ и потому, какъ только національная проблемма въ революціи поставлена была ребромъ и возникъ вопросъ о передачѣ отдѣльныхъ отраслей управленія на мѣста, въ Петроградѣ и Москвѣ поднялись протестующіе голоса.

Мы не склонны усматривать въ этомъ „настроенiи" русскаго общества единственную причину той холодности и враждебности, съ какой встрѣчалась въ русскомъ обществѣ и политическихъ кругахъ за все время революцiи всякая попытка нацiональныхъ группъ заявить свое право на власть на мѣстахъ. Но мы прекрасно знаемъ, что это „настроенiе", противорѣчившее формуламъ политическихъ программъ, существовало и играло одну изъ первостепенныхъ ролей.

Дѣятели бѣлорусскаго движенiя отдавали себѣ полный отчетъ въ окружающей обстановкѣ и поэтому наряду съ петицiями, докладными записками и проч. повели энергичную агитацiю среди широкихъ народныхъ массъ за достиженiе своихъ идеаловъ. Многолюдные нацiональные съѣзды широкой волной прокатились по всей Бѣлоруссiи, оставляя послѣ себя исполнительные органы (Рады). Работа эта завершилась въ декабрѣ мѣсяцѣ 1917 г. созывомъ въ городѣ Минскѣ Великаго Всебѣлорусскаго Конгресса, отъ котораго ведетъ свое существованiе Бѣлорусская Народная Республика.*)

Такимъ образомъ не изъ центра, не отъ Петрограда или Москвы получила Бѣлорусь хартiю своей вольности, но написала ее сама, повинуясь разуму времени и тѣмъ завѣтамъ, которые даны были всей предыдущей борьбой. Слѣдуетъ признать, что процессъ этотъ вполнѣ правильный и по существу единственно возможный.

Какъ же разсматриваютъ центральныя группы бѣлорусскаго политическаго возрожденiя создавшееся положенiе и какъ имъ рисуется будущее „Беларусi"?

Изъ факта объявленiя независимости Бѣлорусской Народной Республики 25 марта 1918 г. слѣдуетъ, что высшее

---

*) Границы Республики опредѣлены по этнографическому принципу. См. акад. Е. Карскаго: „Карта разселенiя бѣлорусскаго племени. Изд. Россiйской Академiи Наукъ С. П. Б. 1917". Болѣе точно онѣ указаны на картѣ, приложенной къ брошюрѣ проф. М. Довнарь-Запольскаго: „Асновы Дзяржаўнасьцi Беларусi". Гродно 1919 г. (имѣется въ пяти переводахъ: русскомъ, польскомъ, англiйскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ). Означенная карта представлена Бѣлорусской Делегацiей на Мирную Конференцiю въ Парижѣ

проявленіе воли народа къ государственному существованію, выявленіе его суверенитета уже состоялось.*) Удастся ли бѣлорусскому народу осуществить эту самостоятельность полностью, удастся ли затѣмъ удержать эту самостоятельность, — все это вопросы фактическаго соотношенія силъ его самого и его сосѣдей, а также всей совокупности мировыхъ вліяній.

Но разъ суверенитетъ выявленъ, разъ лозунгъ данъ, то его можно защищать, за него можно бороться и его же можно ограничивать и частями переносить на главу федеративнаго союза. Безъ независимости отдѣльныхъ народовъ нельзя приступить къ федераціи ихъ; федерація возможна только черезъ независимость. Только тотъ народъ можетъ федерироваться, вступать въ договорныя отношенія съ сосѣдями, который сложился, какъ государство, имѣетъ отвѣтственную власть, могущую заявить, чего хочетъ этотъ народъ и чего не хочетъ. Вотъ почему Бѣлорусь, въ случаѣ реализаціи идеи федераціи восточныхъ славянъ, предстанетъ передъ Федеральнымъ Конгрессомъ не какъ сырое неорганизованное тѣло, но какъ государственный организмъ, имѣющій свою программу существованія и свои точно опредѣленные интересы. Благодаря этому Бѣлоруссія не будетъ объектомъ политическихъ комбинацій, безвольно подчиняющаяся „опредѣленіямъ сверху", но будетъ участвовать въ великомъ строительствѣ, какъ равная сторона. Удѣльный вѣсъ ея при этомъ будетъ зависѣть отъ степени ея государственной организованности и фактической силы. Эта общеизвѣстная истина является въ настоящее время основнымъ принципомъ дѣятельности всѣхъ бѣлорусскихъ политическихъ группъ, лишенныхъ прежняго довѣрчиваго сентиментализма и не смѣшивающихъ нынѣ программныхъ лозунговъ съ фактами дѣйствительности.**)

---

*) См. мою брошюру: „Краткій очеркъ возникновенія Бѣлорусской Народной Республики, Кіевъ 1917 г."

**) „Къ федераціи черезъ независимость!" — вотъ современный лозунгъ всѣхъ національностей бывшей Россіи. Федерація не должна быть дана изъ центра, но должна притти отъ отдѣльныхъ народовъ. Въ основномъ

Исторія учитъ! Она свидѣтельствуетъ, сколько разъ незначительныя, казалось, случайныя событія оказывали роковое вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь народа, какія возможности бывали передъ угнетенными націями, давая надежду на раскрѣпощеніе, и какъ онѣ были уничтожаемы грубою силою. Сознавая, что такія условія для возрожденія Бѣлоруссіи, какія создались нынѣ, едва-ли представятся въ будущемъ и, учитывая какія силы и событія могутъ снова загнать ее подъ ярмо насилія, бѣлорусскій народъ въ лицѣ своихъ партій стремится обезпечить себѣ завтрашній день и въ этихъ цѣляхъ всѣми средствами укрѣпляетъ свою власть на своей землѣ.

Въ борьбѣ за національную власть Бѣлоруссіи приходится сталкиваться съ двумя главными препятствіями: желаніемъ съ одной стороны Великороссіи и съ другой — Польши включить ее въ свой составъ. Какъ первое, такъ и второе посягательства для Бѣлоруссіи одинаково непріемлемы и какъ то, такъ и другое одинаково опасны, ибо если за Великороссіей старый, хотя и сильно расшатанный, государственный аппаратъ и если за ней костная инертность темной массы, то на сторонѣ Польши — молодость, національный подъемъ и вѣра въ свои силы.

Изъ предыдущаго обзора мы видимъ, что прежняя власть не разрѣшала и не могла разрѣшить такъ наз. „Западной", т. е. Бѣлорусской проблеммы. Мы видимъ, почему это происходило: отсутствіе класса, на который можно было бы опереться, сложность религіозныхъ взаимоотношеній, переплетенныхъ съ національными различіями, особый, чуждый Москвѣ, укладъ мѣстной жизни, который столѣтіями нельзя

пунктѣ національныя партіи расходятся съ россійскими партіями, которыя хотя и начертали на своемъ знамени „Федеративная Республика", но понимаютъ процессъ федераціи по своему: „къ федераціи черезъ Россійское Учредительное Собраніе". Ясно, что эта точка зрѣнія неправильна. Истинная федерація можетъ родиться только черезъ учредительныя собранія всѣхъ независимыхъ государствъ и затѣмъ — черезъ всеобщій Федеративный Конгрессъ народовъ. Только при этомъ добровольномъ федерированіи будетъ достигнута доступная человѣчеству справедливость и обезпечено спокойное, основанное на доброй волѣ, сожительство

было приспособить къ общему уровню, чувство національной обособленности населенія, наконецъ, кровная заинтересованность въ этомъ краѣ Польши и т. д. Если предположить, что въ Москвѣ (или, что тоже въ Петроградѣ) въ результатѣ революціи установится не царская, но демократическая власть, то изъ всѣхъ препятствій, которыя стояли передъ старой Россіей, отпадетъ лишь первое: демократическая русская власть найдетъ безъ колебаній тотъ классъ на Бѣлоруссіи, на который она обопрется — этимъ классомъ будетъ бѣлорусское крестьянство. Но отъ этого положеніе не улучшится; худой миръ, наблюдавшійся между царской властью и польскимъ элементомъ въ Бѣлоруссіи, смѣнится при этомъ условіи открытой враждой, готовой всегда вылиться въ форменную войну между Россіей и Польшей. Возможность эта будетъ всегда вѣроятной, если принять во вниманіе исконную, ничѣмъ неугасимую ненависть поляковъ къ власти „москалей." Опасность эта не устранится даже и въ томъ случаѣ, если и въ Польшѣ будетъ республиканское демократическое правительство: чувство національнаго родства всегда будетъ брать въ ней верхъ надъ классовымъ антагонизмомъ, и подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ она будетъ защищать интересы своихъ единоплеменниковъ.

Кромѣ только что указаннаго яко-бы облегченія положенія русской власти въ краѣ (на самомъ же дѣлѣ значительнаго ухудшенія) — все останется по старому. Причемъ прежнее чувство національной обособленности края встанетъ теперь передъ россійскимъ правительствомъ, какъ очевидный неоспоримый фактъ, созданный колоссальнымъ развитіемъ бѣлорусскаго движенія за послѣдніе года. Вытравить сознаніе своей національности у бѣлорусскаго народа послѣ переживаемой Революціи ни у кого не хватитъ силъ; сознаніе это будетъ непрерывно расти, съ каждымъ днемъ увеличивая ненормальное положеніе русской власти съ Бѣлоруссіи и подготовляя новыя политическія катастрофы.

Еще болѣе ненормально и трагично будетъ состояніе Бѣлоруссіи въ случаѣ подпаденія ея подъ власть Польши.

Польскій элементъ въ краѣ, въ процентномъ отношеніи весьма ничтожный (2,1 %), представленъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ земельной аристократіей и вообще крупными земельными собственниками. Опираясь на него, власть Варшавы явится не только враждебной бѣлорусской массѣ національно, но окрасится въ ярко классовые цвѣта. Какъ бы искренно ни стремилось польское правительство быть безпристрастнымъ и избѣжать этого печальнаго антагонизма — ему будетъ невозможно. Польское меньшинство будетъ безусловно господствовать надъ бѣлорусскимъ большинствомъ, подавляя въ корнѣ всѣ жизненно необходимыя реформы. При этомъ нужно замѣтить, что характеръ польской власти на Бѣлоруссіи будетъ рѣзко проявляться не только при господствѣ въ Польшѣ националистическихъ теченій, но и при демократическихъ и даже соціалистическихъ партіяхъ, ибо въ возрожденной Польшѣ принципъ національности будетъ безусловно высшимъ стимуломъ государственной политики. Съ другой стороны, если осуществятся имперіалистическіе проекты польскихъ агрессивныхъ круговъ, и на Бѣлоруссіи утвердится польская власть, то всему русскому или — по польской терминологіи — „москальскому" будетъ объявлена самая непримиримая война; современники будутъ присутствовать при старой драмѣ въ новой постановкѣ: на мѣсто россійскаго чиновника станетъ чиновникъ польскій, и вмѣсто прежняго искорененія „полонизма" начнется искорененіе „москальства". Страдающей стороной, какъ и прежде, явится опять все тотъ же многострадающій бѣлорусскій народъ.

Можно было бы думать, что поляки нашли бы благодарный элементъ, согласный поддерживать ихъ власть, въ лицѣ бѣлоруссовъ-католиковъ; единство религіи могло бы въ этомъ сыграть свою роль. Но, къ несчастью поляковъ, національная освѣдомленность, сознаніе своей бѣлорусской природы наиболѣе сильно проявлено именно у бѣлоруссовъ-католиковъ. Чувствуя близость свою къ полякамъ по религіи, они сознаютъ громадную опасность денаціонализаціи, грозящую имъ со стороны Варшавы; опасность эта значительно большая, нежели со стороны Великороссіи, способности которой

къ денаціонализаціи бѣлорусской массы весьма сомнительны. Поэтому неудивительно, что значительный контингентъ бѣлорусскихъ національныхъ дѣятелей выходитъ до сихъ поръ изъ среды, исповѣдующей католическую вѣру.

Въ данный моментъ можно съ увѣренностью сказать, что установленіе на территоріи всей Бѣлоруссіи власти польской или власти россійской — вещь мало вѣроятная; болѣе реальна и потому болѣе грозна третья альтернатива: раздѣлъ Бѣлоруссіи на великорусскую и польскую сферу вліяній.

Понявъ, что возвращеніе къ старому для поляковъ (къ 1772 г.) при современныхъ условіяхъ невозможно, Варшава и Москва могутъ придти къ соглашенію, по которому восточныя части Бѣлоруссіи: Смоленщина, Витебщина, Могилевщина и восточныя части Виленской и Минской губерній отойдутъ къ Россіи, а Гродненская губернія и западныя части Виленской и Минской губ. отойдутъ къ Польшѣ. Раздѣлъ этотъ можетъ быть приноровленъ и проведенъ по вѣроисповѣдному признаку: восточная — въ большинствѣ православная часть-отойдетъ къ православной Москвѣ, а западная съ значительнымъ католическимъ элементомъ — къ Польшѣ.

Мы знаемъ, что такой выходъ изъ положенія возможенъ, знаемъ, что въ средѣ такъ назыв. „реальныхъ политиковъ" есть приверженцы раздѣла Бѣлоруссіи и сознаемъ, какая опасность въ немъ скрыта.

Раздѣлъ Бѣлоруссіи между Польшей и Россіей означаетъ ея безповоротную гибель.

Если наличіе въ Бѣлоруссіи русской власти и обрусительной политики будетъ встрѣчать сопротивленіе со стороны поляковъ и католиковъ и если, наоборотъ, наличіе въ ней польской власти и стремленія къ полонизаціи будутъ находить отпоръ въ лицѣ Россіи, то при добровольномъ соглашеніи на сферы вліянія, у каждой изъ сторонъ руки будутъ развязаны и процессъ послѣдовательной денаціонализаціи Бѣлоруссіи, оправдываемый фактомъ политическаго прикрѣпленія, ничѣмъ не будетъ задерживаемъ. Подсказать этотъ выходъ можетъ не государственный разумъ, но слѣпой великодержавный эгоизмъ! Онъ не только не принесетъ съ собою

спокойствія и добрососѣдскихъ отношеній между Москвой и Варшавой, но увеличитъ старую польско-русскую вражду и усилитъ ея напряженность. Какъ бы ни старались обѣ стороны „справедливо“ разрѣзать тѣло Бѣлоруссіи — это имъ не удастся: населеніе ея такъ пестро разсѣяно по обширной территоріи, такъ перепутано по національности и религіи, что при всякомъ дѣлежѣ въ областяхъ, съ преобладающимъ польскимъ и католическимъ населеніемъ, окажется масса православныхъ, а въ губерніяхъ съ православнымъ населеніемъ — окажется значительное количество поляковъ и католиковъ-бѣлоруссовъ.

Огромнѣйшія затрудненія представятся при этомъ и съ точки зрѣнія экономической. Хотя Бѣлоруссія уже не живетъ самостоятельной хозяйственной жизнью, тѣмъ не менѣе ея обособленный торгово-экономическій аппаратъ, своеобразный характеръ экономическихъ связей, образующихъ нѣчто цѣлое между востокомъ, богатымъ сырьемъ, и промышленнымъ западомъ, остался въ сильной степени нетронутымъ. Насильственное раздѣленіе этого цѣльнаго аппарата и связей приведетъ къ кризисамъ, экономическому застою и полному упадку значительныхъ отраслей промышленности (кожевенное, льняно-пеньковое дѣло, лѣсообрабатывающая промышленность, стеклянное, спичечное производства и т. д.).

Но политическое безуміе этого шага и его поистинѣ катастрофическія послѣдствія не въ этомъ: при административной ловкости и твердомъ нажимѣ на сепаратистическія тенденціи съ предѣлахъ обѣихъ оккупацій опасность съ этой стороны можетъ быть устранена. Не будетъ устранена опасность для спокойнаго будущаго обоихъ государствъ со стороны вивисекціи — Бѣлоруссіи. **Съ раздѣломъ живого тѣла своей родины не согласится національно единый двѣнадцатимилліонный народъ!** Въ теченіи столѣтій боровшійся за свое національное освобожденіе и достигшій въ результатѣ борьбы высшаго проявленія своего суверенитета — Независимой Народной Республики — народъ бѣлорусскій не допуститъ новаго, еще болѣе тяжкаго издѣвательства надъ собою и своею политическою сплоченностью, высотой

своего національнаго самосознанія образуетъ тотъ прочный фундаментъ, о который разобьются разящіе мечи сильныхъ сосѣдей. Ни подъ Варшавой, ни подъ Петроградомъ онъ не сложитъ своего оружія, не преклонитъ знамени, на которомъ написано: „Вольная Беларусь." Съ какой бы стороны ни шло насиліе, онъ его не признаетъ, утверждая, что на Бѣлоруссіи можетъ быть только власть бѣлорусскаго народа. На Бѣлоруссіи можетъ быть только бѣлорусская власть! Она должна быть не только поэтому, что это будетъ самая естетственная, самая нормальная власть, но и потому, что только **бѣлорусская національная власть разрѣшитъ проблемму устроенія политической жизни этой страны.** Національно единый культурно-мощный народъ способенъ и управлять собою. То обстоятельство, что одна часть его (4/5) исповѣдуетъ православіе, а другая (1/5) — католицизмъ, нисколько не ослабляетъ этого единства и лишь способствуетъ развитію въ немъ чувства уваженія ко всякой религіи и національности вообще. Многовѣковое сожительство бѣлорусскаго народа съ различными національностями, живущими на его территоріи, даетъ основаніе думать, что еврей, полякъ, великороссъ, украинецъ, литовецъ и т. д. — всѣ они будутъ чувствовать себя въ свободной Бѣлоруссіи свободно, какъ на второй своей родинѣ; познавшій на самомъ себѣ всю тягость національнаго гнета, лишенный шовинизма и агрессивныхъ стремленій — бѣлорусскій народъ и его національная власть предоставятъ каждому человѣку на своей землѣ право на его культуру и жизнь, согласно собственнымъ желаніямъ.

Національная черта бѣлоруссовъ-отвращеніе къ насилію, въ чемъ бы оно ни проявлялось. Можно признать, что это слабость бѣлорусскаго народа въ настоящемъ, но сила и гордость его — въ будущемъ. Рожденная правомъ и на немъ базирующаяся и прибѣгающая къ силѣ, какъ печальной необходимости, бѣлорусская національная власть — всегда признавалась и будетъ признаваться не только самимъ бѣлорусскимъ народомъ, но и лучшими представителями великорусскаго и польскаго общества, — какъ власть единственно возможная на Бѣлоруссіи. Она примиритъ интересы всѣхъ мѣстныхъ элементовъ и уничтожитъ закоренѣлыя предубѣжденія.

Общеизвѣстенъ фактъ, что поляки, живущіе въ Гродненской, Виленской и другихъ губерніяхъ, съ ненавистью вспоминающіе расправы русскаго правительства съ польскими возстаніями 31 и 63 г.г., идутъ на признаніе національной бѣлорусской власти, несмотря на всю радикальность ея соціальной программы. Одновременно съ этимъ и такъ наз. „русскій элементъ" въ Бѣлоруссіи, слышать не желающій о планахъ Польши захватить западныя губерніи, съ удовлетвореніемъ встрѣчаетъ бѣлорусскую власть, какъ власть нейтральную. Нѣтъ ничего удивительнаго, что бѣлорусскій народъ активно и сознательно за нее борется. Только своя власть на своей землѣ обезпечитъ ему спокойное развитіе, основанное на исконныхъ національныхъ началахъ, которыя онъ выработалъ на зарѣ своей исторіи и которыя тщательно сберегъ до настоящихъ дней, развитіе, приспособленное ко всѣмъ его идеаламъ, привычкамъ, вѣрованіямъ. Бѣлорусскій народъ сознаетъ, что только при наличии своей національной власти онъ можетъ вернуть себѣ былыя культурныя богатства и величіе, а вмѣстѣ съ этимъ-уваженіе окружающихъ народовъ.

Что только при этомъ условіи онъ заговоритъ на своей родинѣ своимъ роднымъ языкомъ, языкомъ своей матери, перестанетъ стыдиться своего „хлопства" и выбьется изъ той бѣдности, въ которую загнали его счастливые соперники; наконецъ, что только при помощи своей власти онъ создастъ порядокъ, соотвѣтствующій его демократической природѣ.

Послѣднее обстоятельство требуетъ особаго вниманія. Условія прошлаго сложились такимъ образомъ, что бѣлорусскій народъ оказался лишеннымъ своей національной земельной аристократіи и крупной капиталистической буржуазіи. Земельная аристократія на Бѣлоруссіи, какъ сказано въ началѣ очерка, принадлежитъ въ большинствѣ къ польской національности, а крупная денежная буржуазія — къ еврейской.

Такимъ образомъ, бѣлорусская національная власть можетъ базироваться не на замкнутомъ классѣ крупныхъ собственниковъ, но на широкихъ массахъ народа — крестьянскихъ, рабочихъ и трудовой интеллигенціи.*) Въ отличіе отъ Велико-

*) Въ этомъ отношеніи Бѣлоруссія сходна съ Украиной, Литвой и новыми юго-славянскими государствами.

россіи и Польши бѣлорусская интеллигенція не оторвана отъ народа; питаемая только имъ и освобожденная отъ нездороваго, слабовольнаго элемента, выдѣляемаго аристократическими классами, она живетъ общей жизнью съ народомъ, являясь его культурнымъ аванпостомъ.

Естественность для многомилліонной бѣлорусской массы, нейтральность для національныхъ меньшинствъ края и исключительная демократичность — вотъ главныя черты бѣлорусской власти. Если ей удастся парализовать захватническія интригующія вліянія Варшавы и Москвы, то жестокій споръ о томъ, „есть ли это край русскій или польскій", будетъ конченъ для блага всѣхъ славянъ, населяющихъ востокъ Европы.

Мы убѣждены, что предопредѣленій исторіи не избѣжать и что пробужденная Бѣлоруссія не сдастъ своихъ позицій. Богатый славнымъ культурнымъ прошлымъ, полный молодыхъ творческихъ силъ, которыя онъ до сей поры лишь частями отдавалъ Москвѣ и Варшавѣ, горящій энтузіазмомъ и вѣрой въ правоту своего дѣла — бѣлорусскій народъ въ скоромъ времени дастъ славянству и всему міру яркія доказательства своего воскресенія и принесетъ на роскошный алтарь человѣческой цивилизаціи плоды своего національнаго генія, лучшіе цвѣты своего освобожденнаго духа.

Д-ръ А. Цвикевичъ.

ЮСИФЪ ГАЛЕВСКІЙ
СЛАВЯНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
БЕРЛИНЪ SO. 26

заказ № 3, наклад 1000, ратапрынт

Каапэрацыйнае выдавецтва
"АДРАДЖЭНЬНЕ"

ЮСИФЪ ГАЛЕВСКІЙ
СЛАВЯНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
БЕРЛИНЪ SO. 26